

ОТЗЫВ

официального оппонента

доктора философских наук Ямпольской Анны Владимировны
о диссертации Чикина Александра Александровича
«Проблема телесности в феноменологии: Э. Гуссерль и М. Мерло-Понти», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии

Кандидатская диссертация Чикина Александра Александровича посвящена исследованию проблемы живого тела, как она была поставлена в работах Гуссерля и Мерло-Понти. Осмысление воплощенности человека является одной из **центральных задач философской антропологии**. Действительно, тема живого тела возникает на перекрестье целого ряда важнейших проблем: во-первых, изучение телесности исключительно важно для решения психофизической проблемы и одной из старейших философских проблем, а именно проблемы дуализма духа и природы; во-вторых, живое тело представляет собой важнейший «инструмент познания мира» (Мерло-Понти) и одновременно инструмент доступа к самому себе, а значит, без философии телесности невозможны ни теория познания, ни теория субъективности; в-третьих, без прояснения роли телесности невозможно построение теории интерсубъективности, теории коммуникации, теории межличностного общения. Философия телесности имеет огромное значение и для междисциплинарных исследований, ведущихся на стыке философии и биологии, философии и медицины, философии и психологии, философии и когнитивных наук. В настоящее время острый интерес к проблемам тела присутствует и в современной этике, и в биоэтике, в эстетике, в лингвистике, в гендерных исследованиях и в исследованиях искусственного интеллекта.

Особую **актуальность** теме обеспечивает обращение к тому решению вопроса о живом теле, которое было предложено в **феноменологии**. В

феноменологической философии, оказавшей широкое реформирующее влияние на развитие гуманитарных наук в XX веке, тема живого тела субъекта приобрела особую значимость. Феноменологический анализ, отказывающийся от объективирующего описания собственного тела-плоти, дает возможность для более ее глубокой проблематизации: живая плоть может быть описана в качестве среды феноменализации для мира, другого человека и в конечном итоге, для самого себя. В то же время тема живого тела-плоти является одной из самых трудных для феноменологии; воплощенность Я и Другого представляет собой своего рода «камень преткновения» для феноменологического метода, который должен был быть подвергнут ряду трансформаций для того, чтобы проблема телесности могла быть поставлена и раскрыта во всей ее полноте и комплексности.

Исследуя телесность в феноменологии, Александр Александрович Чикин решил ограничиться наследием Гуссерля и Мерло-Понти, однако следует отметить, что проблематика тела играет важнейшую роль и в работах других феноменологов, в частности, в работах Левинаса, Анри, Мальдине, Ришира. Следует отметить, что число публикаций, посвященных проблеме телесности, в Европе и США поистине огромно, так что иноязычная литература по данному вопросу фактически необозрима. Сразу следует отметить, что соискатель проявил превосходную эрудицию в том, что касается работ на немецком и английском языке, в первую очередь, тех из них, которые были написаны на стыке феноменологии и когнитивистики, однако от его внимания ускользнул ряд важнейших французских работ по изучаемой теме, в частности, классический комментарий Поля Рикёра к «Идеям II», работы Дидье Франка, Рено Барбараса и др. Учтены преимущественно те российские и иностранные работы, в которых рассматривается собственно проблематика живого тела, в то время как работы, посвященные феноменологическому методу применительно к этой проблеме, в основном оказались оставлены без внимания. В этой связи стоило бы упомянуть недавнюю диссертацию Г.Б. Юдина, где

трансформациям в гуссерлевском методе, связанным именно с разработкой проблемы телесности, уделена немалая роль. Все это представляется достаточно досадным, потому в итоге работе не хватает глубины: бедность концептуального аппарата до известной степени снижает ценность тщательной проработки источников.

Диссертационное исследование состоит из двух частей: одна посвящена проблеме телесности у Гуссерля, а другая – у Мерло-Понти. Соискатель работает в рамках классического историко-философского исследования, сосредоточенного в первую очередь на анализе влияний и выявления исторических изменений внутри каждой из изучаемых концепций. Выявляются основные модели описания телесности у Гуссерля и Мерло-Понти соответственно, однако их метафизические предпосылки, используемые ими методические приемы, работа с метафорами и понятиями за немногими исключениями (например, на С. 85) не становятся предметом специального рассмотрения. Работа проведена очень тщательно, однако диссертант за немногими исключениями остается на позициях сугубо имманентистской критики источников; тот понятийный аппарат, которым пользуются изучаемые авторы, не ставится под вопрос.

Первая глава работы представляет становление концепции телесности у Гуссерля, начиная с самых ранних работ, написанных еще под влиянием теории Теодора Липпса о вчувствовании, и вплоть до «Картезианских медитаций», где теория живого тела-плоти и теория трансцендентальной intersубъективности наконец-то сплетаются воедино. Соискатель начинает свой анализ с концепции телесности в лекциях о вещи и пространстве. Там Гуссерль преимущественно решает задачу о феноменологическом статусе чужого тела как того, к чему у нас нет непосредственного доступа, что дано нам не в перцепции, а лишь в апперцепции, однако в ходе исследования выясняется, что тело парадоксальным образом представляет собой и

конституирующее, и конституируемое. Именно анализ трудностей, связанных с конституированием собственного живого тела, равно как и тела другого человека, служат для Александра Александровича путеводной нитью в его изложении гуссерлевской концепции; проблематика intersубъективности, считает он, вытекает из проблемы конституирования тела-плоти, а не наоборот. В ранних работах Гуссерль пользуется заимствованной у Липпса схемой вчувствования (к сожалению, в диссертации нет развернутого анализа собственно работы Липпса), корректируя ее в соответствии со своим собственным различием воплощенного и воображенного (С. 48); постепенно на первый план выходит проблема со-данности. Однако систематическое введение трансцендентальной редукции в «Идеях I» приводит к видимому противоречию: живое тело субъекта как объект природы должно быть вынесено за скобки, в то же время живое тело в качестве участвующего в конституировании редукции не подлежит. Рассматривая трудности, с которыми сталкивается Гуссерль в «Идеях II», соискатель приходит к выводу о том, что анализ телесности ведет к преодолению предпосылки о дуализме природы и духа: «ни к одной из областей, природы или духа, живое тело не может быть приписано однозначно. Анализ конституирования приводит к тому, что переопределяется само понятие конституирования. Парадоксальная особенность живого тела состоит в том, что оно не относится ни к миру духа, ни к миру материи. Она требует пересмотра характера субъективности» (С. 83). В итоге, Гуссерль переходит к концепции, согласно которой живое тело представляет собой особое феноменологическое единство, «психофизическое единство», а не просто соединение души и тело, духа и природы. Живое тело «артикулирует смысл» (С. 81). Это важное замечание, хотя оно выражено на языке самого Гуссерля, который тут опирается на традиционную для немецкой мысли метафизику *экспрессии*, выражения духа через тело, природу. Тело оказывается «органом» смысла и инструментом локализации в пространстве, и для того, чтобы исполнить эту роль, оно должно быть не

просто конституировано мною, но со-конституировано мною и другими. Иначе говоря, мой доступ к самому себе пролегает через другого человека: «Другой является неотъемлемой частью субъективности» (С. 85). На первый план выходит проблема интересубъективности, а инструментом работы с ней служит метод «образования пары». Диссертант подчеркивает аналогию между образованием пары Я-Другой и восприятием себя во времени (С. 91-92). Это существенный момент: от сугубо пространственного, почти галилеевского восприятия тела как в первую очередь пространственной вещи и инструмента ориентирования в пространстве Гуссерль переходит к формам существования субъекта как становящегося во времени; кажется, что без опыта времени ни построение пары, ни аналогизирующая аппрезентация оказались бы невозможны. Отсюда напрашивается вывод о том, что восприятие времени первично по отношению к восприятию тела-плоти. Как известно, эта проблема рассматривалась в известной книге Дидье Франка «Плоть и тело», который, напротив, настаивает на том, что уже у Гуссерля плоть как основная среда восприятия предшествует конституированию сознания времени. Вопрос этот приобретает особую значимость в связи с тем акцентом на медиальности тела-плоти, который мы встречаем у Мерло-Понти; к сожалению, в диссертации Александра Александровича эта важная тема развития не получает.

Вторая глава исследования посвящена проблеме телесности в работах Мерло-Понти. Историко-философский тезис автора заключается в том, что «Структура поведения» и «Феноменология восприятия» представляют собой «двухчастный», «целостный проект», в котором познание истины мира и познание самого себя представлено как «общий процесс», объединенный медиальной ролью тела как инструмента восприятия и самовосприятия (С. 172). Сразу хотелось бы выразить некоторое недоумение: автор уделяет значительное внимание почти всему корпусу текстов Мерло-Понти – от ранних статей до курсов, прочитанных в Коллеж де Франс в 1956-1960 годах,

однако не обращается ни к «Прозе мира», ни к «Видимому и невидимому». К сожалению, такой выбор источников в работе Александра Александровича никак не обосновывается, и важный историко-философский вопрос о единстве мысли Мерло-Понти оказывается лишь обозначен, но не поставлен во всей его полноте. Обозначая основные проблемные моменты в трактовке телесности у Мерло-Понти, соискатель считает нужным подробно изложить основные достижения психологии того времени, в первую очередь работы Курта Гольдштейна по гештальт-психологии. Влияние Гольдштейна на Мерло-Понти прослеживается достаточно подробно – во всяком случае, подробнее, чем влияние Шелера (о значимости которого говорится в автореферате). Александр Александрович показывает, в частности, что Мерло-Понти заимствует у Гольдштейна понятие нормы как точки стабильности, точки устойчивого равновесия, к которой организм стремится вернуться из нестабильного состояния патологии. Соответственно в работах Мерло-Понти исследование патологии приобретает особую значимость, потому что только на границе нормы происходит ее выявление и осознание (С. 161). Если же говорить собственно о концепции телесного как «телесной схемы», то здесь соискатель делает важное замечание: роль живого тела заключается том, чтобы быть двигателем самотрансцендирования: усвоение привычек и жестов ведет к своего рода захвату все новых и новых смысловых территорий, в результате чего оказывается возможно «распространить границу тела за пределы его феноменальной объективной границы действия» (С. 188); именно эта способность телесной схемы к постоянному самотрансцендированию лежит в основе разрабатываемой Мерло-Понти аналогии между языком и плотью. Кстати, именно акцент на роли плоти как инструмента трансцендирования отличает концепцию Мерло-Понти от той, которую мы встречаем у Мишеля Анри. Феноменология Анри далеко не является «христианской интерпретацией философии Мерло-Понти» (С.22), в ее основе лежат совершенно иные метафизические предпосылки. Согласно Анри, плоть субъекта, способная «ощущать само

себя», обеспечивает тавтологическую структуру самости; плоть а-космична, она дает доступ не к миру, а только лишь к самому себе.

Диссертационное исследование Александра Александровича Чикина – это тщательный, подробный труд, который вводит в отечественный научный обиход ряд новых и важных текстов, уточняет историю влияний, проясняет структуру мысли великих философов двадцатого века. В то же время эта работа не свободна и от ряда серьезных недостатков. Кроме уже высказанных замечаний по существу, я вынуждена отметить низкий литературный уровень текста. Кроме отдельных неудачных выражений и недостаточно аккуратной редакторской работы следует отметить дефекты структуры в построении самой диссертации. Обширные обзоры вторичной литературы оказываются вставлены прямо в середину аргумента, в результате чего нить рассуждения иногда оказывается трудно восстановить. Тем не менее высказанные замечания не снижают положительную оценку проделанной работы.

Результаты диссертации могут быть использованы при чтении курсов и разработке учебно-образовательных и исследовательских программ по онтологии и теории познания, истории философии, социальной философии, при дальнейших исследованиях темы. Автореферат и публикации А.А. Чикина отражают основные положения диссертационного исследования. Содержание диссертации и ее основные выводы **соответствуют требованиям ВАК** Минобрнауки, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата философских наук. В целом можно заключить, что кандидатская диссертация Чикина Александра Александровича «Проблема телесности в феноменологии: Э. Гуссерль и М. Мерло-Понти», представляет собой результат самостоятельно выполненной и завершенной научной работы и полностью **соответствует пункту 9 Положения** о порядке присуждения ученых степеней, а ее автор

заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии.

Официальный оппонент
доктор философских наук,
Ведущий научный сотрудник
Учебно-научного центра феноменологической философии
Профессор кафедры современных проблем философии
Философского факультета
Российского Государственного Гуманитарного Университета
125993, Москва, Миусская площадь, д. 6
Тел. +7 499 250 62 78
phenomenology@rsuh.ru

5 января 2014

Ямпольская А.В.

Подпись А.В. Ямпольской заверяю

Ученый секретарь

Л. Тропкина

Тропкина Л.В.